

В.Н. Земцов
Уральский педагогический университет

Аббат А. Сюрюг: взгляд французского москвича на пожар 1812 г.

Тема московского пожара 1812 г. относится к числу вечных тем русской истории. Пройдя огонь и пепел «самосожжения» первопрестольной, Россия и русские возродились к новой жизни, преисполненной ощущением безграничной силы и законности своего места среди великих народов. В ходе уже почти двухвековых споров (нередко весьма ожесточенных) в отечественной историографии о московском пожаре весь набор возможных версий фактически уже давно оказался исчерпан. Даже наиболее талантливые современные композиции картин московской трагедии 1812 г. (скажем, А.Г. Тартаковского¹) при ближайшем рассмотрении оказываются только интерпретациями прежних версий (М.И. Богдановича, А.Н. Попова, А. Ельницкого²). Есть ли вообще смысл вновь и вновь прибегать к попыткам описать события московского пожара «так, как они были на самом деле»? Возможно, да, но только при появлении (если это вообще возможно) значительного пласта новых источников. Более плодотворным на сегодняшний день оказалось бы обращение к изучению двухвековой практики интерпретаций московского пожара, а также к изучению механизмов рождения различных версий этого события³.

На фоне калейдоскопического мелькания вариантов объяснения московских событий 1812 г., предлагавшихся в отечественной историографии, французская версия определенно выглядит более последовательной. Она связывает пожар почти исключительно с инициативой, исходившей от русской стороны, и в особенности от московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина⁴. Опровергать французскую версию (как, впрочем, и любую русскую версию) было бы почти безрезультативным занятием: она покоится на прочном фундаменте фактов, утвердившихся еще в сознании французов-очевидцев московского пожара. Больше того, рождение этой версии оказывается во многом связанным даже не с чинами

Владимир Николаевич Земцов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета. Сфера научных интересов — европейская история XIX в. (в особенности война 1812 г. как общеевропейское и общемировое явление), а также история Британии в межвоенный период 1918–1939 гг.

¹ Тартаковский А.Г. Обманутый Герострат. Ростопчин и пожар Москвы // Родина. М., 1992. №6–7. С. 88–93.

² Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 314–315; Попов А.Н. Французы в Москве в 1812 году. М., 1876; Ельницкий А. Ростопчин Ф.В. // Русский биографический словарь. Романова — Рясковский. Птг., 1918. С. 281–287.

³ Смирнов А.А. Эволюция взглядов отечественных историков на причины пожара Москвы в 1812 г.: аналитический обзор // Москва в 1812 г. М., 1997.

⁴ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Т. 2 (1-е изд. было в 1823 г.); Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. Т.14; Olivier D. L'incendie de Moscou. P., 1964; Thiry J. La Campagne de Russie. P., 1969; etc.

Великой армии. Ее рождение началось еще до вступления Наполеона в Москву и проходило в среде иностранцев, живших в русской первопрестольной столице.

Редкий исследователь (как отечественный, так и зарубежный), обратившийся к московским событиям 1812 г., не упоминал свидетельств аббата А. Сюрюга, кюре французской церкви Св. Людовика в Москве. Именно со ссылкой на его письма, отправленные отцу Буве, проходил спор французских историков с графом Ростопчиным, начавшийся с выходом в 1823 г. его знаменитой книги «Правда о пожаре Москвы»⁵ и положивший начало почти уже двухвековой историографической дискуссии. Между тем в отечественной историографии не делалось попыток предпринять источниковедческий анализ этих писем. Так, Тартаковский смешал одно из писем Сюрюга с его своеобразным «журналом». Эту же ошибку повторили составители известного указателя иностранной литературы по 1812 году Российской национальной библиотеки⁶. Иногда в литературе встречаются просто фантастические утверждения в отношении Сюрюга, как, например, заявление, будто бы он трижды встречался с Наполеоном для обсуждения вопроса об освобождении русских крестьян⁷. Личность самого Сюрюга привлекла внимание только В. Стратонова, издателя одного из писем аббата⁸. В зарубежной историографии имеется только брошюра Л. Миро, специально посвященная личности Сюрюга⁹.

Аббат Адриен Сюрюг родился в 1753 г. в селении Кламси, вошедшем позже в департамент Ньевр. Воспитанный в коллеже Св. Варвары, он был оставлен там преподавать. Вероятно, именно здесь он познакомился со знаменитым в будущем педагогом Ш.-Э. Николя (1758–1835), аббатом, создателем Ришельевского лицея в Одессе. В дальнейшем Сюрюг возглавил королевский коллеж в Тулузе, стал доктором теологии Сорбонны. Но в 1792 г. после известных антицерковных декретов Национального законодательного собрания, как и аббат Николь, он вынужден был эмигрировать. Однако в Россию Сюрюг попал, вероятно, позже, чем аббат Николь. Вначале Сюрюг служил каноником духовной коллегии Пильзена в диоцезе Вильно. Только затем по рекомендации аббата Николя он был приглашен наставником в семейство графа А.И. Мусина-Пушкина. Сам факт такого приглашения к знаменитому русскому историку, собирателю и археографу свидетельствовал об исключительных познаниях и большом педагогическом опыте Сюрюга. С 1807 г. он становится кюре французской церкви Св. Людовика в Москве. Став настоятелем церкви, Сюрюг, отличавшийся твердостью характера и энергичностью, значительно расширил материальные возможности и влияние этого прихода¹⁰.

Своеобразно складывались его отношения с семейством Ф.В. Ростопчина. Жена Федора Васильевича Екатерина Петровна, урожденная Протасова, под влиянием французской культуры и благодаря знакомству с сардинским посланником Ж. де Местром прониклась идеей перехода из православия в католичество. Еще ранее, где-то вскоре после смерти в 1802 г. своего мужа А.А. Голицына, шталмейстера и сенатора, старшая сестра Екатерины Петровны Александра благодаря аббату Николю уже перешла в католичество. Именно у нее в подмос-

⁵ *Rostopchine Th. V. La vérité sur l'incendie de Moscou. P., 1823* (русское изд.: *Ростопчин Ф.В. Правда о пожаре Москвы. М., 1823*); [Chambray G.] *Réponse de l'auteur de «L'expédition de Russie», à la brochure de M. Le comte Rostopchin. P., 1823*; *Ibid. Histoire de l'expédition de Russie. P. 253–256. Note 2.*

⁶ *Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 265*; Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГПБ. Систематический указатель. СПб., 1993. Вып. 4. С. 111.

⁷ *История Москвы. М., 1954. Т. 3. С. 123.*

⁸ 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга // *Русский архив. 1882. №4. С. 191–196.* Справка В. Стратонова о Сюрюге содержит ряд неточностей.

⁹ *Miroi L. L'Abbé Adrien Surugue. Un témoin de la campagne de Russie. P., 1914.*

¹⁰ Помии церкви Св. Людовика, находившейся в Мясницкой части и прихожанами которой были в основном французы, в Лефортовской части была еще католическая церковь Св. Петра и Павла. Ее посещали выходцы из других европейских земель — поляки, немцы и др.

ковном имени Алексеевке Екатерина Петровна познакомилась с аббатом Сьюрюгом. Когда именно это знакомство закончилось переходом Екатерины Петровны в католичество, сказать невозможно. Как отмечала внучка Екатерины Петровны Лидия Ростопчина, «тайна была глубокая и охранялась тщательно»¹¹. В семейных преданиях Ростопчиных фигурировали три версии — в 1802 (что, по нашему мнению, маловероятно), в 1806 и 1810 гг. Как бы то ни было, до октября, а то и ноября 1812 г. Екатерина Петровна факт перемены веры тщательно скрывала, в особенности от мужа. На этом настаивал Сьюрюг¹².

Когда Федор Васильевич Ростопчин был назначен в 1812 г. московским главнокомандующим, Сьюрюг оказался частым гостем в его доме на Лубянке (ныне Большая Лубянка, 14), который находился в непосредственной близости от церкви Св. Людовика (современное здание церкви, построенное в 1827—1830 гг. на месте прежнего, ныне имеет адрес: Малая Лубянка, 12а). Судя по всему, нередко прямо в доме главнокомандующего, прогуливаясь после обеда по анфиладам комнат или по дорожкам сада, Сьюрюг исповедовал Екатерину Петровну. Для того чтобы тайно причащать ее, аббат изобрел специальный серебряный ящичек-дароносицу, которую надевал на шею своей спутнице. Роль дарохранительницы играло специальное пространство одного из шкафов черной дерева, инкрустированного слоновой костью.

Между тем с началом военных действий Наполеона против России положение иностранцев в Москве заметно осложнилось. Ростопчин, ранее предлагавший вообще очистить Москву от иностранцев, теперь не просто усилил за ними общий надзор, но и начал в своих знаменитых «афишах» возбуждать против них русское население. Не без влияния этой пропаганды среди москвичей, по крайней мере дважды, составлялись заговоры с целью поголовного истребления иноземцев. Но Ростопчин, с одной стороны, провоцируя ненависть к иностранцам, с другой — предпринимал меры против массовых беспорядков и убеждал иностранцев держать себя как можно осторожнее. 26 июня (ст. ст.) Ростопчин сделал «Объявление к аббатам католических церквей, находящихся в Москве»: «Зная образ мыслей ваших, обращаюсь к вам, милостивые государи мои, прося покорно употребить убедительнейшее средство, по мере возможности, к внушению иностранцам прихода вашего, чтоб они в поступках своих были благоразумнее и в разговорах ограничивали себя скромностью»¹³.

«Иностранцы, — писал Ростопчин в воспоминаниях, — особенно французы: коммерсанты, артисты и другие лица, проживавшие в Москве, держали себя очень осторожно, так как я, с самого начала войны, дал им предупреждение через посредство их священников, которым я по этому предмету разослал циркуляр. Но русский народ всегда глядел на них косо, вследствие преимуществ, доставляемых им званием иностранца, и обвинял их в том, что они отнимают у него барыш от торговли и работы»¹⁴. Ростопчину, в частности, стало известно об обширном заговоре среди не менее 300 русских портных истребить всех французов, проживавших на Кузнецком мосту. Раскрытие этого заговора заставило Ростопчина арестовать 40 (по другим данным — 43, а то и 65) иностранцев, «которые были замечены по своим неуместным речам и по дурному поведению», и отправить их на барже в Нижний Новгород. Ростопчин был уверен (и тогда, и позже), что этой ссылкой он многим из иностранцев спас жизнь. Сами же жертвы высылки, их семьи, да и все московские иностран-

¹¹ *Ростопчина Л.* Семейная хроника (1812 г.). М., б.г. С. 105.

¹² Там же. С. 105—126; *Narichkine M-m* (née comtesse Rostopchine). Le comte Rostopchine et son temps. St. Pétersbourg, 1912. P. 99—100, 122; *Tolstoy D.A.* Le Catholicisme Romain en Russie. P., 1864. P. 78—80, 195—196; *Pingaud L.* Les Français en Russie et les Russes en France. P., 1886. P. 315; *Морошкин М.* Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени. СПб., 1867. Т. 1. С. 493. Примеч. 456.

¹³ Цит. по: *Ельницкий А.* Указ. соч. С. 283.

¹⁴ *Ростопчин Ф.В.* Записки о 1812 году // *Ростопчин Ф.В.* Ох, французы! М., 1992. С. 289—290.

цы воспринимали этот шаг главнокомандующего иначе, а именно как акт жестокого преследования. Семьи высланных были в полном неведении о их судьбе, а те, кто плыл на барже, безумно переживали за своих близких, которым действительно выпал ужасный жребий оказаться в горящей Москве без мужей и отцов.

Можно предстать, в каком паническом ожидании пребывали московские иностранцы накануне сдачи первопрестольной русскими и вхождения в нее войск Наполеона. По Москве упорно ходили слухи о готовности Ростопчина сжечь город (не исключалось даже, что это он намеревался сделать не только по своей инициативе, но и с благословения стоявших выше него)¹⁵; что в подмосковном имении строится неким Шмидтом летательный аппарат, с помощью которого можно будет то ли уничтожить неприятеля, то ли сжечь Москву; что московская чернь с попустительством, а то и при поощрении городского начальства собирается перебить всех оставшихся в городе иностранцев; и т.д. Наконец, накануне вступления войск Наполеона в Москву стало известно, что Ростопчин выпустил из тюрем колодников, которые начали поджоги и бесчинства. Именно эти настроения (и надо признать, что небеспочвенные) московских иностранцев, многие из которых были прихожанами церкви Св. Людовика, и стали источником главных сведений командования и солдат Великой армии о зловещих замыслах Ростопчина и русского правительства уничтожить Москву вместе со всей армией неприятеля. Из уст в уста передавались и рассказы об убийстве Ростопчиним М.Н. Верещагина, а также о том, как толпа чуть было не растерзала француза Мутона, учителя фехтования, также арестованного за неподобающие речи.

Особенно опасным считали московские иностранцы тот момент, когда русские власти уже покинут город, а французская армия еще не войдет в него. Этот момент был счастливо ими пережит. Однако начавшиеся пожары и грабежи стали для них подлинной катастрофой. Московские иностранцы были не только для французской солдатни, но и для офицеров не более, чем презренными и недобрыми эмигрантами, а значит, и должны были испить горькую чашу московских погорельцев до дна. Единственной их опорой в первые дни пожаров оказался только аббат Сюрюг. Французская москвичка актриса Л. Фюзиль, чьи воспоминания вышли в Париже уже в 1814 г., писала: «Довольно большая площадь, принадлежащая церкви, была застроена деревянными домиками, где бедные иностранцы находили во всякое время приют. Пока город горел, солдаты грабили его. Все женщины, дети и старики попрятались в церкви. Когда появились солдаты, аббат Сюрюг открыл двери и в полном облачении с распятием в руках, окруженный этими несчастными, единственной опорой которых был он, с уверенностью предстал перед озверелыми солдатами, которые с уважением попятнулись перед ним». Далее Фюзиль пишет: «Аббат Сюрюг попросил стражу для охраны несчастных семей, и ему ее тотчас же дали. Наполеон хотел его видеть и всячески убеждал вернуться во Францию. «Нет, — отвечал тот, — я не хочу бросить свое стадо, которому могу быть еще полезен». Хотя в съестных припасах уже чувствовался недостаток, их все-таки посылали аббату, и он делил их, как добрый пастырь»¹⁶. В одном из писем самого Сюрюга говорится, что никакой встречи с Наполеоном у него не было: «В течение шестинедельного пребывания здесь французов я не видел даже тени Наполеона и не стремился увидеть его. Говорили, что он собирается позвать меня, и это сообщение меня испугало; к счастью, оно не оправдалось. Он не посетил нашу церковь и, вероятно, не думал об этом»¹⁷. Мы склонны верить

¹⁵ По нашему мнению, Александр I хотя и не давал прямого указания Ростопчину на этот счет (да и не мог дать), но создал у московского главнокомандующего впечатление, что, в сущности, не против этой меры (см., например: *Narichkine M-m (né comtesse Rostopchine)*. Op. cit. P. 180).

¹⁶ Записки актрисы Фюзиль // *Де ла Фюзил*. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., 2003. С. 144.

¹⁷ *Surrugues*. Létres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville, au R.P.Bouvet, de la compagnie de Jésus, par l'abbé Surrugues, témoin oculaire, et curé de l'Église de Saint-Louis, a Moscou. P., 1823. P. 10.

последнему утверждению. Из писем Сюрюга, в особенности к аббату Николу от 10 ноября (ст. ст.), достаточно точно можно установить, с кем именно из высших чинов Великой армии и французской администрации он встречался. Первой была встреча с Э.-Ж.-Б. Мийо, дивизионным генералом и военным комендантом Москвы, затем — с маршалом Э.-А.-К. Мортье, назначенным генерал-губернатором провинции, потом — с генерал-интендантом Великой армии М. Дюма. Была встреча и с гражданским губернатором М.-М.-П. Лессепсом¹⁸.

Хотя очевидно, что в письмах иезуит Сюрюг предпочел умолчать о некоторых деталях своих бесед с представителями французской администрации и командования, понятно, что он вел себя в отношении их очень осторожно и отклонил предложения на предмет тесного сотрудничества. Среди прочего генерал-интендант Дюма особенно интересовали сведения о Ростопчине, как главном виновнике пожара. Сюрюг, что следует из его писем и «журнала», убежденный в том, что именно действия московского главнокомандующего стали главной причиной поджогов, поделился с французами имевшимися у него сведениями на этот счет. На предложение Лессепа покинуть Москву с отступающей Великой армией аббат, верный своему пастырскому долгу, ответил отказом.

20 октября (н. ст.) Наполеон отдал из с. Троицкого приказ об окончательном оставлении Москвы французским гарнизоном. В приказе содержалось требование взорвать оба московских дома Ростопчина¹⁹. Дом в Сокольниках действительно был уничтожен, но дворец на Лубянке, хотя и полностью разграбленный, был пощажен. Главная заслуга в этом принадлежала Сюрюгу, который убедил французское командование, что огонь с ростопчинского здания сразу же перебросится на квартал, примыкавший к церкви Св. Людовика²⁰.

11 октября (ст. ст.) вблизи церкви появились русские казаки, которые, в отличие от французов, все-таки смогли ее пограбить. К радости Сюрюга, они взяли только часть серебряной посуды, сукно, вино, рыбу и овощи²¹.

После перенесенных бедствий аббат Сюрюг был физически и нравственно истощен. Несмотря на это, он продолжал вести церковную службу, заботиться о судьбе беженцев, размещенных в строениях церкви, посещать раненых и больных французских солдат, оставленных в Москве. Когда в Москву возвратился Ростопчин, Сюрюг поспешил встретиться с ним. Однако аббата ждал суровый прием. Как оказалось, Екатерина Петровна все же поведала мужу о переходе в католичество. «Ты совершил подлый поступок», — бросил аббату Ростопчин и более не принимал его у себя. Все попытки Сюрюга объяснить только усугубляли ситуацию²².

21 декабря (ст. ст.) аббат Сюрюг скончался. Согласно одной из версий, когда он сопровождал умершего в госпитале французского солдата на кладбище (вероятно, на то, которое в дальнейшем стали называть Введенским), его остановила, ограбила и, видимо, избивала группа казаков. Брошенный на снегу, он с трудом смог добраться до дома и более уже не поднимался на ноги. Его похоронили на Введенском кладбище. На могиле был установлен не сохранившийся до наших дней пьедестал из серого гранита, увенчанный крестом из розового камня.

Впервые два письма Сюрюга от 19 октября и 8 ноября (ст. ст.) 1812 г., адресованные собрату по ордену иезуитов отцу Буве (Bouvet), были опубликованы Обществом французских библиофилов в 1820 г.²³ В 1821 г. эти письма были отпечатаны отдельным изданием в количестве 30 экземпляров в парижской типографии

¹⁸ 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга. С. 202–204.

¹⁹ Наполеон — Бертье. Троицкое, 20 октября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance de Napoléon I. P.*, 1868. Т. 24. №19292. P. 278–279.

²⁰ *Mirot L.* Op. cit. P. 42; *Narichkine M-m (née comtesse Rostopchine)*. Op. cit. P. 198.

²¹ 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга. С. 202.

²² *Tolstoy D.A.* Op. cit. P. 80; *Mirot L.* Op. cit. P. 40.

²³ *Mélanges publiés par la Société des bibliophiles français.* P., 1820. Т. 1.

Ф. Дило²⁴. Третье издание было осуществлено в 1823 г.²⁵ в ответ на публикацию Ростопчиным «Правды о пожаре Москвы». В 1857 г. аббат Фрапа опубликовал еще одно, третье, письмо Сюрюга от 10 ноября (ст. ст.) 1812 г., адресованное аббату Николю, который находился в те дни в Одессе²⁶. В 60-е годы XIX в. отец Ладраг, известный изданием в 1871 г. записок московского француза шевалье Ф.-Ж. д'Изарна, познакомился в архиве церкви Св. Людовика в Москве с рукописью, явно переключившейся с текстом первых двух писем Сюрюга. Это был своего рода «журнал» или «историческая записка», составленная аббатом сразу после оставления французами Москвы. На рукописи, представлявшей собой семь с половиной страниц очень убористого текста, имевшего многочисленные вставки и исправления, были две надписи, сделанные почерком других лиц. Первая: «Это все, что осталось от книги, содержащей то, что имеет отношение к величайшей опасности, имевшей место в Москве во время прихода Бонапарта». Вторая: «Возвращены в книгу найденные вновь листы, благодаря хлопотам, из бумаг г-на графа Ростопчина, которые были, вопреки всем правилам, вырваны из книги. Аббат Шибокс (Chibaux), кюре-прево [церкви] Св. Людовика». Действительно, листы были заново подшиты к церковному регистру шнурком, имевшим на своих двух концах печать красного воска²⁷. Отцу Ладрагу тогда не удалось этот «журнал» опубликовать. Он был впервые издан А. Ле Ребуром во Франции в 1891 г.²⁸ Вторично он вышел отдельным изданием в Москве, также на французском языке, в 1909 г. благодаря стараниям преподобного Либерсье²⁹. В качестве приложения Либерсье опубликовал еще одно письмо Сюрюга от 9 ноября (ст. ст.) 1812 г. архиепископу Могилевскому С. Сестренцевичу, митрополиту римско-католической церкви Российской империи, находившемуся в то время в Петербурге. Написанное в оригинале по латыни, оно было переведено на французский язык. В этом письме в основном описывалось положение, в котором оказался католический причт и иностранная колония в разоренной Москве³⁰. Текстологический анализ имеющихся публикаций не дает нам повода сомневаться в том, что все они написаны одним человеком, а именно аббатом А. Сюрюгом, в октябре—ноябре 1812 г. Л. Миро высказывал предположение, что сразу после ухода из Москвы французов кюре церкви Св. Людовика стал готовить «журнал» с описанием произошедших событий. Экземпляр этого «журнала» 19 октября он отправил отцу Буве в Петербург для передачи Сестренцевичу. Не дождавшись ответа, 9 ноября он отправляет через того же Буве еще один экземпляр. В обоих случаях наряду с «журналом» Сюрюг посылал и письма специально для Буве³¹. Судьба обоих отправленных экземпляров «журнала» неизвестна. Вероятно, они все же дошли до Сестренцевича. Что же касается двух писем Буве, то они и стали первыми публикациями литературно-исторического наследия аббата Сюрюга. В бумагах же Ростопчина, по нашему мнению, оказался черновой вариант рукописи «журнала», который и был потом

²⁴ *Lettres sur la prise de Moscou, en 1812 (par l'abbé Surugue)*. P., 1821. Мы не имели счастья держать в руках это издание. Сведения о нем см.: [Ysarn de Villefort F.J.D.] *Relation du séjour des Français à Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812 / Publ. par A. Gadaruel*. Bruxelles, 1871. P. 174.

²⁵ *Surrugues*. *Léttres sur l'incendie de Moscou*.

²⁶ *Frappaz, l'abbé*. *Vie de l'abbé Nicolle*. P., 1857. Русский перевод письма осуществлен В. Стратоно-вым: 1812 год. Французы в Москве по рассказу аббата Сюрюга. С. 191–204.

²⁷ [Ysarn de Villefort F.J.D.] *Op. cit.* P. IX, 174–175; *Surugue A.* *Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / Publ. par le R.P. Libercier*. M., [1909]. P. 12–14. Отец Ладраг был известен под псевдонимом А. Гадаруэль (A. Gadaruel).

²⁸ *Moscou pendant l'incendie. Journal du curé de Saint-Louis des Français (1er septembre — 10 octobre 1812) // Correspondant*. №25. Juin 1891. Трудно сказать абсолютно определенно, была ли эта публикация сделана по тексту московской либо по какой-либо иной рукописи. Мы предполагаем, что было, по крайней мере, три текста этого «журнала».

²⁹ *Surugue A.* *Mil huit cent douze*.

³⁰ *Ibid.* P. 64–71.

³¹ *Miroi L.* *Op. cit.* P. 39.

возвращен в дела церкви, а затем опубликован в 1909 г.³² Так как наиболее полным текстом является рукопись, обнаруженная в бумагах церкви, и публикация ее была осуществлена определенно с оригинала, используем именно ее в качестве основы для выяснения особенностей взглядов автора.

Сюрюг начинает повествование (это он делает и в двух публиковавшихся ранее всего письмах) с констатации того факта, что система отступления русской армии, превращавшая территорию в «континентальную пустыню», обреченную на предание огню и разграбление, была одобрена русским правительством. Французам оставались только «пустыни, покрытые пеплом». После того как русская армия прошла Москву в ночь с 1 на 2 сентября (Сюрюг, как, впрочем, и многие другие иностранцы, жившие в Москве, пользовался юлианским календарем), 2-го в 6 часов утра Ростопчин собрал в своем доме на Лубянке подчиненных ему полицейских и гражданских чинов города³³. По приказу Ростопчина заключенные были выпущены на свободу³⁴. Только двое из заключенных были, как можно понять из текста, специально оставлены, «дабы предстать» перед Ростопчиным. Далее следует достаточно подробное описание сцены расправы с купеческим сыном Верещагиным, описанной позже и самим Ростопчиным. Разница этих двух описаний заключается в некоторых важных подробностях, которые Сюрюг, в отличие от Ростопчина, приводит. После умерщвления Верещагина драгунами «его ноги были охвачены длинной веревкой, и его окровавленный труп таскали по всем улицам, среди оскорблений со стороны населения».

К 2 часам дня, когда Москва опустела, наступила «ужасающая тишина». Вместе с тем выпущенные на свободу преступники перемешку с русским населением стали вооружаться благодаря разграблению арсенала. «Двери и подвалы кабаков были разнесены, и водка лилась по улицам. Чувство ужаса охватило иностранцев и мирных граждан, которые остались... в городе без полиции, без какой-либо администрации, покинутые на волю людей извращенных и имевших дурные намерения».

Наконец, к 5 часам вечера показался французский авангард. К вечеру рота grenadiers Молодой гвардии, обосновавшись на Кузнецком мосту, отделила 5 человек для охраны церкви Св. Людовика³⁵. «Но уже начал осуществляться проект, рожденный от патриотического энтузиазма, а именно уничтожение г. Москвы ради спасения империи, и подготовка к тому, чтобы спалить французскую армию в пожаре этого необъятного города». Далее Сюрюг связывает этот план с тем, что в Воронцове (Vorontzow), загородном доме князя Репнина³⁶, расположенном в 6 верстах от города, был организован своего рода арсенал, где делались предметы пиротехники, специальные снаряды и другие материалы «для выполнения великого проекта». Причем Ростопчин, пытаясь это скрыть, объявил о приготовлениях аэроплана³⁷.

³² В отличие от Миро, мы полагаем маловероятным, что Сюрюг готовил экземпляр «журнала» для передачи Ростопчину.

³³ Сведения Сюрюга о факте этого совещания, где был определен окончательный план поджога множества городских объектов и отданы на этот счет соответствующие приказы, подтверждаются воспоминаниями Нарышкиной и запиской квартального надзирателя П.И. Вороненко. Напомним, что церковь Св. Людовика почти прямо выходила на строения дома Ростопчина.

³⁴ Как известно, сам Ростопчин отрицал этот факт. Тартаковский же доказал, что если заключенные тюремного замка в Бутырках и были вывезены, то обитатели Временной тюрьмы были отпущены на свободу (*Тартаковский А.Г. Обманутый Герострат*. С. 90).

³⁵ Не исключено, что для охраны церкви французское командование регулярно выделяло более значительное подразделение. См., например: Приказ дня по Императорской гвардии, 6 октября 1812 г. // *Extraits du livre d'ordres du 2e Régiment de grenadiers a pied de la Garde Impériale 2e bataillon, 2e compagnie (Carnet de la Sabretache. 1900. №95. P. 702).*

³⁶ То, что Воронцово принадлежало якобы князю Репнину, повторил сам Наполеон. На самом деле Воронцово было имением княгини А.Н. Волконской. Таким образом, ошибка Сюрюга стала ошибкой французского императора, что еще раз подтверждает характер источников французского командования об обстоятельствах поджога Москвы.

³⁷ Эта версия, иногда дословно, повторена Наполеоном в бюллетенях Великой армии.

Далее Сюрюг подробно воспроизвел географию начавшихся пожаров, связывая их с выполнением ранее разработанного плана. В подтверждение этого аббат заявил о том, что полиция заранее вывезла из города все насосы. Сюрюг поразительно точно передал реакцию Наполеона на возникшие пожары. В начале император не был склонен верить докладам о существовании плана предать город огню и «не оставлять французам победы, кроме множества пепла». Однако, сопоставив все сведения, в том числе «собранные свидетельские показания», Наполеон уверился в существовании плана и отдал приказы о расстрелах поджигателей. По словам Сюрюга, расстрелянные были большей частью «чины полиции, переодетые казаки, солдаты, сказавшиеся ранеными, и лица из семинарий, которые расценивали это дело, как угодное Богу».

«Тем временем, — продолжает аббат, — чернь с ожесточением крушила двери и вламывалась в подвалы лавок, обьятых огнем». Все что только можно подверглось разграблению. «Солдаты, которые не могли оставаться спокойными зрителями, приняли в этом очень активное участие». «Действительно, — констатировал Сюрюг, — план сожжения города был создан в качестве военной меры русским правительством...» Значительную роль в распространении пожаров Сюрюг отводил сильному ветру, который нередко менял свое направление и серьезно мешал попыткам остановить огонь. Повествует Сюрюг и о попытках самого Наполеона и неаполитанского короля помочь страждущим иностранцам, подыскав им убежище и обеспечив их довольствием. Приводит аббат и любопытный эпизод, свидетелем которого он был сам, когда рота фузилеров Молодой гвардии, вооружившись ведрами, смогла остановить огонь на подступах к Лубянке и оградить квартал, где была церковь Св. Людовика и церковные постройки, от неизбежного уничтожения. Сами пожары заметно уменьшились только 6-го числа благодаря сильному дождю и прекращению ветра.

Далее Сюрюг кратко описал встречу Наполеона с директором Воспитательного дома И.А. Тутолминым и меры императора по оказанию помощи госпиталям. Хотя госпитали были спасены от пожара, но система помощи раненым находилась в самом плачевном состоянии. По сведениям Сюрюга, «из более чем 15 тыс. раненых, привезенных недавно армией, половина погибла; одни от огня, другие от отсутствия помощи». При этом не совсем ясно, вел ли речь аббат только о раненых Великой армии, либо и о раненых русских. Мы полагаем, что имелись в виду раненые из числа солдат Наполеона³⁸.

Сюрюг должен был констатировать факт разнузданного грабежа со стороны французских солдат. Очевидцы, «которые большей частью были жертвами», поведали ему о том, что солдаты «не уважали ни стыдливости робкого пола, ни невинности ребенка в колыбели, ни седых волос стариков».

С плохот скрываемым чувством внутреннего удовольствия написал католический аббат о прекращении русскими священниками службы в православных храмах: «...люди среди ужасов страшного бедствия не имели возможности излить свою душу у алтаря своего бога и воспользоваться этой последней возможностью, которая оставалась у несчастных». Впервые после 15-дневного перерыва служба была возобновлена в Москве в церкви архидиакона Евпла³⁹ священником Кавалергард-

³⁸ Вообще же в строках Сюрюга чувствуется значительная доля симпатии к своим соотечественникам. Все (или почти все), что касается русской стороны, либо умалчивается, либо предстает как источник опасности и враждебности. Пожалуй, только в письме к митрополиту Сестренцевичу Сюрюг вынужден был выдержать все письмо в беспристрастном тоне.

³⁹ В записке С.А. Маслова, напечатанной впервые в 1817 г., факт службы в этой церкви подтверждается (Записка С.А. Маслова // Пожар Москвы / Сост. Г. Балицкий. М., 2001. С. 18). Этим священником был протоиерей Кавалергардского полка Гратинский, попавший в плен (см.: Донесение протоиерея Гратинского обер-священнику 5 декабря 1812 г. // Русский архив. 1866. №5. С. 731—735).

ского полка, случайно оставшимся в Москве, который, как Сюрюг не преминул заметить, был иностранного происхождения⁴⁰. Этим, по мнению Сюрюга, недостойным безразличием русских, особенно священников, к своим святыням и объяснялось отсутствие у французских солдат шепетильности в отношении того, чтобы использовать сохранившиеся во время пожара каменные здания церквей под различные бытовые нужды. Все же такого рода действия находили у Сюрюга осуждение. «Никогда захваченный приступом город не был свидетелем подобных крайностей, и французский офицер сам сознавался, что после эпохи французской революции французская армия никогда не становилась виновницей столь страшного беспорядка, что сваливала бы вину на иностранные войска, в особенности на поляков, уверяя, что они имели особые причины для такой мести».

Все же Наполеон, как отмечал аббат, пытался принять решительные меры, чтобы остановить грабежи. «Но какая плотина может остановить поток?» — восклицал автор. Хотя «были случаи, когда офицер убивал взбунтовавшегося солдата, но этим ничего не достигалось». Безрезультатно закончилась и попытка организовать подвоз окрестными крестьянами фуража и продовольствия. Особенно серьезно от отсутствия фуража страдала французская кавалерия.

От Сюрюга не скрылся и факт посылки Наполеоном дивизионного генерала Ж.-А. Лористона в ставку Кутузова. «Рассказывают, — пишет он, — об отправлении парламентаря в русскую армию, но это не завершилось успехом». По мнению Сюрюга, после провала этой миссии французским командованием и было принято решение об оставлении Москвы. Стала заметной большая активность по отправке конвоев с ранеными и больными по дороге на Смоленск. Был отдан также приказ приготовить большое количество сухарей. При этом те рационы, которые ранее были обещаны беженцам (полагаем, что речь шла главным образом о московских иностранцах), «были взяты обратно». В качестве компенсации император выделил несчастным 50 млн. рублей, которые должны были распределить среди них «выборные люди». На каждого страждущего должно было прийти по 90 рублей. В условиях подготовки к эвакуации и из-за трудностей с перевозкой медной монеты эта мера ничего не дала. «Кое-кто из населения Москвы и окрестных крестьян хорошо нажился: многие нагружали телеги медью и прятали ее в тайных складах»⁴¹.

6 октября, в воскресенье, во время генерального смотра войска получили приказ подготовиться к отправлению. Вскоре Наполеон покинул Кремль, предварительно сняв крест с колокольни Ивана Великого. На другой день маршал Мортье перенес свою ставку в Кремлевский дворец, и все оставшиеся войска в числе 5 тыс.⁴² сконцентрировались вокруг Кремля.

8 октября партия казаков проникла в Москву и прошла вплоть до Кремля. Еще несколькими днями ранее, в преддверии отступления был подожжен французами Петровский дворец, а затем дом Ростопчина в Сокольниках. Об общем отступлении оставшихся французских войск было объявлено 10 октября, и около 7 вечера войска начали марш. К 11 часам вечера они полностью эвакуировались из Кремля и из города⁴³. В ночь на 11 октября «произошло зловещее событие»: около 2 часов утра прогремел мощный взрыв, уничтоживший арсенал

⁴⁰ Многочисленные сведения говорят о том, что в различных храмах Москвы, особенно в монастырях, служба не прерывалась (см., например: *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 144–146). Можно предполагать, что Сюрюг об этом не знал или, скорее всего, не хотел знать.

⁴¹ Обстоятельства этой акции по раздаче медных денег подтверждаются многочисленными свидетельствами.

⁴² Реально у Мортье было от 8 до 10 тыс. солдат.

⁴³ Сюрюг приводит сведения о пленении генерал-лейтенанта русской службы Ф.Ф. Винценгероде (*Vintzingerode*) и сопровождавшего его гусарского офицера Л.А. Нарышкина, вновь поражая читателей своей осведомленностью.

Кремля; в то же время был подожжен и царский дворец в Кремле. Сила взрыва была такой, что все стекла в оставшихся московских домах были разбиты. Три других взрыва разрушили «ворота Кремля напротив Никольской [башни] и внешние башни Кремля»⁴⁴. При эвакуации из Москвы французы оставили на великодушные своих врагов более 2 тыс. раненых, которые были переведены в Голицынский госпиталь и госпиталь Воспитательного дома. «...часть этих несчастных, которые напились, ожидая увидеть [русскую] армию, были захвачены врасплох крестьянами, которые устроили избиение»⁴⁵.

В заключение Сюрюг приводил цифры уничтоженных московскими пожарами домов. По его словам, до пожара было 9 тыс. 300 домов обычных обывателей и более 800 «дворцов знати». После пожаров осталось не более $\frac{1}{3}$ от прежнего количества⁴⁶.

Пытаясь сохранить позицию беспристрастного наблюдателя (что, как мы видим, было практически невозможно), Сюрюг считал необходимым заявить: «Мы не позволяем себе рассматривать вопрос о том, был ли пожар Москвы мерой абсолютно необходимой, дабы добиться результата, который этим планировался; это тот вопрос, который следует отнести на беспристрастный суд потомства». И все же, несмотря на демонстративный отказ Сюрюга делать какой-либо окончательный вывод по московским событиям 1812 г., его оценки достаточно очевидны.

Подведем итоги. Аббат Сюрюг был исключительно осведомленным человеком о событиях, связанных с московскими пожарами. Помимо того, что Сюрюг был близок к семье Ростопчина, в период наполеоновской оккупации он вступил в непосредственные контакты с администрацией Великой армии. Доставляли Сюрюгу сведения и многочисленные прихожане церкви Св. Людовика. Наконец, сам он был не просто посторонним свидетелем, но и критически мыслящим участником событий. В письмах и исторической записке Сюрюга нашли последовательное отражение настроения московских иностранцев, в умах которых подлинные обстоятельства, предшествовавшие сдаче русскими Москвы и связанные с пожаром первопрестольной, были причудливо домыслены и интерпретированы так, как могло подсказать воображение людей, оказавшихся в крайне тяжелом положении. В их представлении чуть ли не единственным организатором пожара стал зловецкий Ростопчин, исполнявший план заманивания и уничтожения противника в разоренной и выжженной русской пустыне. Реальные события, разыгравшиеся после вхождения Великой армии в Москву, казалось, полностью подтверждались рассказами москвичей-иностранцев. Теперь эта полуреальность-полуфантазия становилась уже незыблемой истиной для французов-участников похода и будущих французов-историков. Так родилась французская версия московского пожара, с удивительным постоянством воспроизводящаяся во Франции вот уже без малого два столетия.

Summary

In the article of Prof. Zemtsov the evidence of abbot Surugue on the fire in Moscow in 1812, according to which Rostopchin was the initiator of the fire and disasters in Moscow, is considered. The researcher makes an attempt to reconstruct the way how the unreal version became true for the French.

⁴⁴ Очевидцы различно определяют число произошедших взрывов (см., например: *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 183).

⁴⁵ Случаи убийства казаками и местными жителями оставшихся в Москве раненых французов действительно имели место, но массовое избиение удалось предотвратить.

⁴⁶ Согласно официальным данным, до нашествия в Москву был 9151 дом, из них каменных — 2567, деревянных — 6584. Сожжено в сентябре—октябре было 6496 домов (*Полосин И.И.* Кутузов и пожар Москвы 1812 г. // *Исторические записки.* М., 1950. Т. 34. С. 157).